

ГОДЪ

XXXIX.

ДУХОВОДСТВО

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей серебромъ.

№ 31.

Подписка принимается въ редак-
ціи сего журнала, при Кіевской
духовной Семинаріи.

1898 года, августа 2-го.

Содержаніе: Умѣренность и полное отреченіе отъ вина.—О Спасовыхъ праздникахъ (1, 6 и 16 августа).—Исповѣдь духовенства и окружной духовникъ (продолженіе).—Замѣтка.

Умѣренность и полное отреченіе отъ вина.

Въ настоящее время правительство употребляетъ значительныя усилія къ искорененію народной невоздержности въ употребленіи вина и не щадитъ для этой цѣли денежныхъ жертвъ. Такъ какъ невоздержность отнѣсится къ области нравственной жизни, то свѣтская власть считаетъ необходимымъ для этого дѣла вступать въ сношеніе съ духовенствомъ и приглашать къ содѣйствию церковныхъ пастырей народа. Стараніями священниковъ во многихъ мѣстахъ еще ранѣе того заведены были общества трезвости, въ основаніи которыхъ положенъ обѣтъ полного воздержанія отъ вина.

даваемый на опредѣленное время и по его истеченіи возобновляемый. Правительство съ своей стороны открываетъ попечительства о народной трезвости, которымъ предоставляетъ значительныя денежныя суммы для устройства чайныхъ, читаленъ и т. под. заведеній, имѣющихъ отвлекать народъ отъ разгула. При этомъ усматривается нѣкоторое различіе между цѣлю попечительствъ, или-что тоже—программой свѣтской власти, —и цѣлю означенныхъ **обществъ трезвости, устроенныхъ по предначертаніямъ власти церковной.** Въ задачу попечительствъ совершенно не входитъ распространеніе въ народъ безусловнаго воздержанія отъ вина; они ограничиваются заботою только объ умѣренности въ употребленіи спиртныхъ напитковъ; самое понятіе о трезвости повидимому сводится при этомъ къ такому пользованію охмеляющими напитками, съ которымъ совмѣстимо употребленіе ихъ въ *значительныхъ дозахъ и довольно частое, но безъ опьяненія, безъ наружныхъ проявленій нетрезвости.* Напротивъ, *Церковь* стремится къ распространенію въ народъ *полнаго воздержанія отъ вина, и это стремленіе нашло себѣ выраженіе въ обществахъ трезвости, члены котораго даютъ обѣщаніе не пить совершенно.*

Намъ кажется, что эта разность дѣйствительно существуетъ, и что она вполнѣ естественна, что ни свѣтская власть не можетъ ставить своею задачею полное отреченіе народа отъ вина, ни церковное пастырство не можетъ свести свои требованія до проповѣди умѣреннаго винопитія. Свѣтская власть избрала предметомъ своего воздѣйствія въ этомъ случаѣ (равно какъ и въ другихъ) весь народъ. Программа попечительствъ, начертанная ею, будетъ дѣйствовать на всемъ пространствѣ нашего обширнаго отечества, среди самыхъ разнообразныхъ условій, въ совершенно различныхъ слояхъ населенія. Имѣя дѣло съ такой огромной собирательной величиной и предначертывая общіе способы воздѣйствія на нее, правительство не можетъ задаваться такою цѣлю, какъ полное отученіе народа отъ вина. Эта цѣль по отношенію

къ цѣлому народу была бы мечтательной и несбыточной. И вообще гражданское законодательство, обращаясь съ такою совокупностію самыхъ разнообразныхъ единицъ, какъ народъ, понижаетъ свои требованія, ближе ставитъ свои задачи. Напротивъ, духовный пастырь имѣетъ дѣло съ приходомъ, сравнительно небольшой группою людей, и даже съ отдѣльными личностями, на которыя онъ можетъ воздѣйствовать сообразно духовнымъ потребностямъ каждой изъ нихъ. При этомъ найдется, конечно, не мало людей, особенно среди простонародья, для которыхъ проповѣдь объ умѣренномъ винопитіи будетъ не понятна, потому что у нихъ не ясно понятіе о мѣрѣ и умѣренности. Ожидать этого тѣмъ болѣе необходимо, что и вообще это понятіе неустойчиво и для разныхъ обстоятельствъ является различнымъ. Между тѣмъ стоитъ только отнять понятіе объ умѣренномъ, какъ неясное и относительное, и проповѣдь умѣреннаго винопитія превратится въ проповѣдь винопитія вообще. Найдется также не мало людей, надъ которыми вино воцѣпилось такую силу, что для ихъ освобожденія отъ мрачнаго господства страсти необходимо имъ не только не вкушать вина, но, если бы можно было, и не видать его. Для нихъ нужна такая рѣшительность въ борьбѣ съ грѣхомъ, какую указываетъ Самъ Христосъ, когда говорить: *еще око твое десное соблажняетъ тя, изми е* (хотя оно и не виновато само по себѣ), *и верзи отъ себе* (Матѣ. 5, 28): этими словами Онъ повелѣваетъ намъ отрѣшаться отъ всего, что подаетъ намъ поводъ къ грѣху, хотя само и не заключаетъ въ себѣ грѣха и хотя, быть можетъ, полезно и нужно намъ въ другихъ отношеніяхъ (таково именно десное око). Есть множество людей, для которыхъ первая рюмка есть первый шагъ по наклонной плоскости, на которую однажды вступивъ они уже не могутъ удержаться отъ паденія. Учить такихъ людей умѣренному употребленію вина—значитъ совершенно отказываться отъ ихъ исправленія, покидая ихъ въ жертву неудержимой страсти. Изъ такихъ людей иногда состоятъ цѣлыя деревни и даже приходы; „ослабѣв-

шіе“ крестьяне по мѣстамъ считаются не десятками и сотнями, но тысячами, составляя господствующій нравственный типъ. Такимъ образомъ проповѣдь всецѣлаго воздержанія по условіямъ мѣста и времени можетъ быть столь же необходимой, сколько была бы мечтательной и неосуществимой задача совершеннаго уничтоженія винопитія безъ отношенія къ мѣсту и времени.

Церковное учительство и руководство можетъ, подобно съ обстоятельствами, то ограничиваться проповѣдью умѣренности, то возвышаться до требованія полнаго воздержанія, но никогда конечно, церковный пастырь не скажетъ своимъ пасомымъ, что то и другое совершенно безразлично, что въ одинакой мѣрѣ душеспасительно и богоугодно—и пить умѣренно, и не пить совершенно. Вино не есть предметъ необходимости: если не принимать въ расчетъ тѣхъ случаевъ, когда оно бываетъ необходимо для укрѣпленія организма (*стомаха ради и—недуговъ*, 1 Тим. 5, 23), то оно есть единственно предметъ чувственной прихоти и употребленіе его есть послабленіе чувственности. Для христіанина, который призывается усмирять и поработать свое тѣло, распинать свою плоть съ ея страстями и похотями, не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что полное воздержаніе выше и совершеннѣе умѣренности, что умѣренность въ томъ, что составляетъ предметъ прихоти, а не существенной необходимости, не есть въ собственномъ смыслѣ и умѣренность (какая возможна умѣренность въ излишествѣ?), что умѣренность въ винѣ цѣнится и одобряется не только по превосходству своему надъ неумѣренностью, но еще болѣе потому, что она служитъ переходною ступеню къ полному отреченію отъ вина, какъ предмета чувственной прихоти. Совершенно согласны съ этимъ и воззрѣнія лучшей части русскаго народа, въ которой хранятся старинныя благочестивыя понятія: поѣсть больше и вкуснѣе, чѣмъ необходимо, считается здѣсь плотоугодіемъ, грѣховной забавой; выпить вина—точно также; потому-то солдаты предъ бородинскимъ сраженіемъ, готовясь

къ смерти за отечество, отказывались отъ положенной имъ порціи водки, говоря, что не такой теперь день. Послѣ этого всякому понятно, что церковная проповѣдь не можетъ оставиваться на умѣренности въ употребленіи вина, какъ на крайнемъ желаніи, и что она направляетъ мысли и стремленія пасомыхъ къ высшему и лучшему, къ полному воздержанію, какъ совершенной побѣдѣ надъ чувственнымъ желаніемъ, надъ стремленіемъ къ тѣлесной утѣхѣ.

Не только ученіе мѣры, но и опытъ, вмѣстѣ съ истиннымъ познаніемъ человѣческой природы, свидѣтельствуютъ противъ служенія прихотямъ въ пользу полнаго воздержанія отъ нихъ. Прихоть по самому значенію этого слова есть желаніе чего нибудь лишняго, чего нибудь выходящаго изъ ряда естественныхъ и обычныхъ хотѣній человѣка (*при и хотѣть*); поэтому, какъ скоро предметъ прихоти становится обычнымъ и зауряднымъ, какъ скоро онъ соединяется съ постоянными потребностями человѣка, прихоть, оставаясь вѣрною самой себѣ, какъ стремленіе къ чему то лишнему и непривычному, требуетъ новаго предмета въ томъ или другомъ родѣ, пока и этотъ новый предметъ не сдѣлается обычнымъ и неинтереснымъ и не будетъ отчисленъ въ число потребностей, предоставивъ прихоти искать чего нибудь другаго. Прихоть похожа на тощихъ коровъ, которыхъ видѣлъ во снѣ фараонъ и которыя пожрали тучныхъ коровъ, но сами не стали отъ того тучнѣе. Прихоть не насыщается и не наполняется, но за то безъ мѣры умножаетъ потребности, которыя впитываютъ въ себя все испробованное прихотію. Потребности растутъ до того, что удовлетвореніе ихъ занимаетъ все время у человѣка, а прихоть остается съ неизмѣнно раскрытымъ ртомъ и томится желаніемъ и ожиданіемъ новой пищи, неизвѣданныхъ удовольствій.—Такимъ образомъ, если въ началѣ человѣкъ изъ прихоти сталъ выпивать предъ обѣдомъ рюмку водки, то потомъ, когда это сдѣлается для него обычной потребностію, онъ изъ той же прихоти будетъ присоединять или вторую рюмку, или стаканъ вина, или

кружку пива. Съ теченіемъ времени все это сдѣлается для него привычнымъ, и прихоть, какъ врагъ всего привычнаго, будетъ изыскивать новыя средства возбужденія, не удовлетворяясь благоразумною умѣренностію. Поэтому лучше, безопаснѣе и душеспасительнѣе совсѣмъ не допускать въ себѣ винной прихоти. „Берегись первой рюмки“, говорили встарину.

Говорятъ: вино по установленію Самого Господа употребляется въ таинствѣ Евхаристіи, и потому нельзя проповѣдывать безусловнаго воздержанія отъ вина. Но евхаристійное вино, претворенное въ Кровь Христову, употребляется и назначается не для прихоти, для питанія не жизни чувственной и временной, но духовной и вѣчной. Вино, предлагаемое въ храмъ послѣ приобщенія въ видѣ такъ называемой теплоты, также должно быть принимаемо безъ сомнѣнія, хотя бы и данъ былъ кѣмъ нибудь обѣтъ безусловнаго воздержанія: то, что предлагается въ храмъ по божественному установленію, никакъ не можетъ быть грѣховно; причиною грѣха можетъ быть только похоть (Іае. 1, 14—15). Ветхозавѣтный законъ о соблюденіи субботняго покоя былъ нарушаемъ въ храмѣ священниками, приготовлявшими и приносившими жертвы; однако Самъ Господь Іисусъ Христосъ свидѣтельствуетъ, что въ этомъ они были неповинны ради святости и величія храма; не читали ли вы въ законѣ, что въ субботы священники въ храмѣ нарушаютъ субботу, однако невиновны? Но говорю вамъ, что здѣсь Тотъ, Кто больше храма“ (Матѳ. 12, 5—6).

Говорятъ: въ Писаніи сказано, что *вино веселитъ сердце чловѣка* (Пс. 103, 15), слѣдов., вино имѣетъ свою добрую сторону. Но у того же псалмопѣвца сказано: *возвеселится праведникъ о Господѣ* (63, 11). Какое же веселіе предпочтительнѣе? То ли, которое возбуждается виномъ, или то, которое проистекаетъ изъ упованія на Господа и изъ созерцанія дѣлъ Его. Правда, вино можетъ на нѣкоторое время изгнать изъ сердца печаль, почему и сказано у Премудраго: *дадите сикера сушымъ въ печалехъ* (Притч. 31, 6). Однако насколько

лучше и достойнѣе христіанина слѣдовать иному совѣту: *возверзи на Господа печаль твою* (Пс. 54, 23)! Когда враги Христа по установленному обычаю хотѣли облегчить для Него предстоящія страданія, помрачивъ Его сознаніе виномъ, смѣшаннымъ со смолою, то Господь отвергъ это: *дояху ему пити есмирнисмено вино онъ же не пріятъ* (Марк. 15, 23).—Такъ обр., Писаніе, хотя и не отрицаетъ, что вино можетъ веселить человѣка и отгонять отъ него печаль, однако указываетъ для этого и другіе совершеннѣйшіе способы.

Указываютъ на событіе претворенія воды въ вино въ Канѣ Галилейской и повидимому хотятъ извлечь изъ него такой урокъ: такъ какъ Господь даровалъ этимъ чудомъ изобиліе вина, то, значитъ, Ему угодно было, чтобы брачное торжество сопровождается было изобильнымъ употребленіемъ дарованнаго, т. е., вина. Но если Господь подаетъ что либо въ изобиліи, то этимъ Онъ еще не выражаетъ Своей воли, чтобы все Имъ поданное было употреблено и притомъ неотложно. Пять хлѣбовъ и двѣ рыбы были чудесно умножены до того, что напитали пять тысячъ человѣкъ, да кромѣ того образовался остатокъ въ двѣнадцать коробовъ, наполненныхъ песѣданными кусками (Іоанн. 6, 12—13). Слѣдовательно, не все, что подаетъ Господь, должно быть необходимо употреблено; дары Божіи могутъ изобиліемъ своимъ далеко превышать мѣру человѣческихъ потребностей; эти потребности должны соразмѣряться съ правилами воздержности и благоразумія, можетъ быть даже самоотреченія и самоумерщвленія, а не съ безмѣрною щедростію Творца и Владыки міра. Въ Канѣ Галилейской во время брачнаго пира оказалось полное отсутствіе вина; это было великимъ посрамленіемъ для жениха, устроявшаго пиръ; Христось по ходатайству Своей Матери снизошелъ къ человѣческому горю людей, близкихъ Его сердцу, и даровалъ великое изобиліе вина; но этимъ Онъ не указалъ, чтобы все чудесно происшедшее вино было выпито, чтобы не образовалось остатка, который бы составилъ подспорье для бѣднаго жениха (подобно елею, чу-

десно умноженному по слову пророка Елисея, 4 Цар. 4, 1—7); Онъ не повелѣлъ, чтобы пили много, чтобы пили всѣ; Онъ только положилъ конецъ тому „неимѣнію вина“, при которомъ воздержаніе было вынужденнымъ, тогда какъ оно должно быть добровольнымъ самоограниченіемъ, должно открываться и торжествовать, какъ истинно христіанскій подвигъ, не при скудости, которая дѣлаетъ его невольнымъ, но при изобиліи, когда оно является всецѣло дѣломъ возвышеннаго, „владычественнаго“ духа.

Не надлежащее значеніе усвоится иногда и словамъ архитрикліна къ жениху: *всякъ человекъ прежде доброе вино полагаетъ, и егда упоются, тогда худшее: ты же соблюлъ еси доброе вино досель* (Іоан. 2, 10). Изъ этого выводятъ то заключеніе, что, когда совершилось чудо Христово, брачные гости находились уже въ состояніи охмелѣнія, не позволявшаго имъ оцѣнить достоинства вина, бывшаго отъ воды, и поэтому претвореніе воды въ вино было какъ бы поощреніемъ къ несовсѣмъ умѣренному употребленію вина и къ дальнѣйшему пребыванію въ томъ состояніи, которое обозначено словами: *егда упоются*. Но слова архитрикліна выражаютъ только общее правило, по которому лучшее предлагалось напередъ, а на послѣдокъ худшее,—правило, основанное на томъ, что по мѣрѣ насыщенія и пресыщенія гость теряетъ нравственное право быть разборчивымъ. А всякое правило примѣняется и соблюдается не только при существованіи на лицо тѣхъ обстоятельствъ, которыя первоначально послужили для него основаніемъ, но и при всякихъ другихъ обстоятельствахъ: лучшее вино подавалось впередъ, а худшее на послѣдокъ не только тогда, когда имѣлось въ виду пресыщеніе виномъ, но и тогда, когда по скудости запасовъ пресыщеніе не предполагалось. Послѣдній случай былъ въ Канѣ: откуда при скудости и неимѣніи могло быть пресыщеніе? но это не мѣшаетъ архитрикліну шутливо упрекнуть жениха за несоблюденіе обычая, установившагося

для всѣхъ безразлично случаевъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ засвидѣтельствовать достоинство вновь явившагося вина.

Итакъ, пастьрское руководство не имѣетъ никакихъ побужденій оставлять свою точку зрѣнія на вопросъ о трезвости. Правда, Св. Писаніе не заключаетъ въ себѣ безусловнаго запрещенія употреблять вино, но христіанскій подвигъ не ограничивается воздержаніемъ отъ того, что безусловно запрещено, онъ выражается въ добровольномъ отреченіи отъ того, что дозволено. Въ стремленіи къ совершенству христіанское подвижничество отрывается отъ обладанія богатствомъ, отъ жизни брачной, отъ употребленія мясной пищи, хотя все это не воспрещено въ Писаніи, а дозволено. Новозавѣтное Откровеніе даетъ намъ понятіе о постепенности совершенствованія, о христіанской жизни, какъ постоянномъ движеніи впередъ, при чемъ то, что умѣстно на низшихъ ступеняхъ и въ первоначальныхъ стадіяхъ, становится непереносимо на ступеняхъ высшихъ и въ стадіяхъ дальнѣйшихъ.—Умѣренность въ винѣ свойственна ступени обычной гражданской добродѣтели, полное воздержаніе отъ вина свойственно высшей ступени добродѣтели истинно христіанской.

С. Кожомскій.

О Спасовыхъ праздникахъ (1, 6 и 16 августа).

Названіе праздника „происхожденіе честныхъ дровъ честнаго и животворящаго креста“, значащееся въ славянскихъ мѣсяцесловахъ и богослужебныхъ книгахъ Православной Церкви, составляетъ для многихъ трудно разрѣшимую задачу и грамотеями часто толкуется неправильно въ смыслѣ „произрастанія“ того древа, изъ котораго былъ устроенъ впоследствии крестъ Господа нашего Иисуса Христа. Но подлинное значеніе праздника уже довольно указывается греческимъ словомъ — *προοδος* („выступленіе впередъ“, „походъ“, ходъ) въ названіи этого праздника, а еще болѣе оно видно изъ его

исторіи. Извѣстно, что мать равноапостольнаго царя Константина, императрица Елена, обрѣтши въ Іерусалимѣ подлинный крестъ Господень, значительную часть древа животворящаго креста взяла съ собою въ Константинополь и положила на храненіе въ царской палатѣ или точнѣе въ дворцовой своей церкви. Изъ древнихъ же греческихъ мѣсяцеслововъ видно, что въ 9-мъ вѣкѣ въ Константинополь существовалъ обычай изношенія креста Господня, предъ 1-мъ днемъ августа, изъ царскихъ палатъ въ храмъ св. Софіи. Въ мѣсяцесловахъ и прологахъ это изнесеніе креста показывается то 30-го, то 31-го іюля, а внесеніе въ царскую палату 14-го или 13-го августа. Въ теченіе промежуточныхъ 14 дней св. древо креста Господня, ежедневно обносилось въ крестномъ ходѣ по улицамъ Константинополя, съ окропленіемъ ихъ водою, освященною 1-го августа въ храмѣ св. Софіи. Въ обрядникѣ императора Константина Порфироднаго (912—59) подробно изложены правила, когда выносить крестъ изъ палаты предъ 1-мъ августа,—смотря потому, на какой день недѣли падало 1-е августа, его выносили иногда за 8, 7, 5, 4, 3 и за два дня до 1-го августа. Крестные ходы въ эти дни совершались только изъ Софіи; изъ другихъ церквей и монастырей цареградскихъ такихъ крестныхъ ходовъ не было. Въ настоящее время въ Константинопольскихъ церквахъ и въ самой даже патриархіи ни особой торжественной службы, ни крестнаго хода въ 1-й день августа не бываетъ; служатъ лишь обычную литургію съ освященіемъ воды въ храмѣ, которое совершается каждый мѣсяць 1-го числа, послѣ чего приходскіе священники окропляютъ св. водою дома прихожанъ. Въ полномъ мѣсяцесловѣ архимандрита (нынѣ Высокопреосвященн.) Сергія сказано, что въ Студійскихъ Минеяхъ, употреблявшихся въ Россіи съ 11-го до конца 14-го и начала 15-го вѣка, не было никакой службы кресту ни 31-го іюля, ни 1-го августа; служба эта началась лишь съ введеніемъ у насъ іерусалимскаго устава вмѣсто студійскаго.— Въ Великороссіи праздникъ 1-го августа называется 1-мъ,

Спасомъ 1); освященіе воды съ крестнымъ ходомъ въ этотъ день совершается въ рѣкѣ, а гдѣ нѣтъ рѣки въ колодцѣ, день бываетъ нерабочій. Въ Малороссіи 1-е августа въ народѣ извѣстно болѣе подъ именемъ „дня свв. Макковеевъ“, память которыхъ творится въ этотъ день, почему къ освященію воды приносится въ церковь для освященія вмѣстѣ съ васильками и другими цвѣтами, преимущественно растеніе макъ 2); освященіе воды послѣ литургіи совершается болшею частію въ церквахъ или ближайшихъ колодцахъ, въ церковь приходятъ главнымъ образомъ женщины и дѣти, а мушныны бываютъ на работахъ, кромѣ рабочихъ захожихъ изъ Великороссіи, которые считаютъ грѣхомъ работу въ этотъ день. Что касается наименованія праздника 1-го августа

1) Во многихъ мѣстахъ праздникъ перваго Спаса именуется „мокрымъ“, очевидно, отъ совершаемаго въ этотъ день чина водосвященія, для чего обыкновенно отправляются на источники, озера и рѣки. При этомъ поселяне наши считаютъ полезнымъ и спасительнымъ дѣломъ купаться въ освященныхъ водахъ. Перѣдко еще праздникъ зовется „Спасомъ медовымъ“, какъ видно оттого, что около этого времени наши пчеловоды подрѣзываютъ соты. Еще доселѣ у насъ соблюдается обычай на 1-е августа являться въ церковь съ медомъ, какъ своего рода новиною, для освященія. Во многихъ мѣстахъ, помимо того, благочестивые поселяне считаютъ долгомъ приносить въ церковь всякаго рода сѣмена и разнаго рода овощи въ цвѣтахъ и корнѣ, которыя освящаются здѣсь, какъ первые плоды лѣтнихъ сельскихъ трудовъ.

2) Изъ мака на этотъ разъ приготавливается особое кушанье такъ называемые „шублики“. Въ этомъ обстоятельстве нельзя не видѣть связи съ именемъ Маккавеевъ, которые извѣстны въ народѣ подъ именемъ „Макотруса“, отъ собирація маку. Нужно еще замѣтить, что простой народъ ставитъ въ связь съ ветхозаветными Макковееми и упомянутый обрядъ освященія воды. Поэтому иные догадываются, не находится ли въ семъ случаѣ „Маккавей“ нашего простаго народа въ связи съ Мокошемъ, древнеславянскимъ богомъ, которому были посвящены рѣки, озера, и колодцы.

„Спасомъ“, употребляемаго въ сѣверо-восточномъ краѣ Россіи, то оно произошло отъ установленнаго въ 12-вѣкѣ празднованія въ этотъ день Всемиловитому Спасу и Пресвятой Богородицѣ за одержанную великимъ княземъ Андреемъ Боголюбскимъ побѣду надъ повожскими болгарамн, и за побѣду, одержанную въ томъ же году греческимъ императоромъ Мануиломъ надъ сарацинами, какъ значится о семъ въ славянскомъ прологѣ. Церковная служба св. кресту и Всемиловитому Спасу на 1-й день августа извѣстна въ Россіи только съ 15-го вѣка, но въ греческихъ богослужебныхъ книгахъ ея нѣтъ.

Праздникъ Преображенія Господня празднуется одинаково (6 августа) какъ въ сѣверс-восточной, такъ и въ юго-западной Руси. Народъ сѣверо-восточной Руси называетъ этотъ праздникъ „вторымъ Спасомъ“, а въ юго-западной Руси просто „Спасомъ“. На праздникъ Преображенія Господня предки наши приносили въ храмъ къ освященію садовые плоды и огородныя овощи, которыхъ, исключая огурцовъ, до этого праздника предки наши не употребляли въ пищу, считая это грѣхомъ, и только съ 6-го августа у нихъ на столѣ являлись всѣ огородныя и садовыя произведенія. Въ этотъ же праздникъ владѣльцы полей, какъ и доселѣ въ сѣверо-западномъ краѣ, являются въ храмъ съ колосьями и сѣменами новаго хлѣба, надъ которыми совершается молитва и окропленіе святою водою, и эти освященные начатки потомъ сберегаются къ началу новаго посѣва. Такъ какъ въ день Преображенія Господня изъ садовыхъ овощей приносятъ въ храмъ для благословенія преимущественно яблоки, то отсюда и самый праздникъ Преображенія Господня въ народѣ называется „Спасомъ яблочнымъ“.

„Третьимъ Спасомъ“ въ Великороссіи называется праздникъ 16 августа въ честь нерукотвореннаго образа Спасителя, по случаю перенесенія его изъ Едессы въ Царьградъ. Въ великорусскомъ народѣ онъ также принадлежитъ къ числу нерабочихъ дней, какъ и 1-е августа. Въ Малороссіи и

во всемъ юго-западномъ краѣ онъ считается однимъ изъ ма-
 лыхъ праздниковъ и къ свободнымъ отъ работъ днямъ не
 причисляется. Впрочемъ, женщины въ этотъ день воздержива-
 ются отъ нѣкоторыхъ ручныхъ работъ, какъ то: пряденія,
 шитья и т. п., согласно названію образа. О нерукотворен-
 номъ образѣ Спасителя извѣстно, что, по перенесеніи въ
 Царьградъ, онъ былъ поставленъ въ храмъ Богородицы Фа-
 росской, созданномъ императоромъ Мануиломъ (856—867 г.).
 Въ настоящее время этого образа нѣтъ въ Царьградѣ. По
 наиболѣе вѣроятному сказанію этотъ образъ, при завоеваніи,
 Константинополя крестоносцами въ 1204 г., былъ захваченъ
 венеціанцами и въ числѣ прочей добычи былъ отправленъ
 въ Венецію, но на пути потонулъ вмѣстѣ съ караблемъ въ
 Мраморномъ морѣ во время бури. По другому западному
 сказанію онъ находится въ г. Генуѣ, въ латинскомъ мона-
 стырѣ св. Варооломея, куда поступилъ отъ генуэзскаго ге-
 нерала Монтальто, а ему подаренъ греческимъ императоромъ
 Іоанномъ Палеологомъ въ благодарность за помощь оказан-
 ную при нападеніи сарацинъ въ 1362 году. Въ Римѣ извѣ-
 стенъ, также съ именемъ нерукотвореннаго, образъ главы
 Христа Спасителя, сохраняющійся въ церкви св. Петра подъ
 куполомъ въ верхней части одного изъ четырехъ опорныхъ
 столбовъ, именно того, на которомъ изображенъ св. еванге-
 листъ Матѳей. О чудесномъ происхожденіи этого нерукотво-
 реннаго образа римское преданіе говоритъ такъ: когда Спа-
 ситель, во время Своего пути на Голгоѳу, изнемогалъ подъ
 тяжестію креста, сострадательная женщина по имени Веро-
 ника, домъ которой былъ на этомъ пути, подала ему поло-
 тенце отереть съ лица потоки кроваваго его пота; на семь
 полотенцъ или убрусцъ, отъ прикосновенія къ лицу Спаси-
 теля, чудесно изобразился ликъ его. Убрूसъ этотъ съ обра-
 зомъ Спасителя сохранялся, какъ драгоценность въ домѣ
 увѣровавшей во Христа Вероники—въ Іерусалимѣ, но впо-
 слѣдствіи времени перенесенъ въ Римъ. Печатные снимки
 сего образа съ посвидѣтельствомъ и печатію одного изъ

членовъ соборнаго причта, продаются въ Римѣ по недорогой цѣнѣ и весьма распространены среди католиковъ. Самаго же образа никто, кромѣ членовъ соборнаго причта, не можетъ видѣть; только въ Великій пятокъ онъ показывается народу съ балкона внутри храма, но съ такой высоты, что, по свидѣтельству бывшихъ при этомъ, даже въ увеличительное стекло можно видѣть только черное пятно. Нѣкоторые писатели считаютъ, однако, лице Вероники мифическимъ, производя имя ея отъ „vera eîxón“, что съ латиногреческаго языка обозначаетъ „истинный образъ“.

Исповѣдь духовенства и окружной духовникъ ¹⁾.

4. Какой характеръ должны имѣть пастырскія бесѣды духовника духовенства съ его духовными дѣтьми? Поученіе святительское къ новопоставленному іерею даетъ такое наставленіе относительно вразумленія согрѣшающихъ мірянъ: „когда увидишь кого изъ прихожанъ или ссорящагося съ кѣмъ другимъ, или упивающагося, или безчинствующаго: тогда долженъ ты кроткимъ словомъ напомнить ему, что онъ прогнѣвляеть Бога и дѣлаеть соблазнъ на поврежденіе ближнему“. Такъ же и ап. Павелъ говоритъ епископу Тимоѳею: *Старца не укоряй, но умолай, яко же отца, юноши, яко же братію, старицы, яко же матери, юныя, яко же сестры* (1 Тим. 5, 1—2). Если такое отношеніе требуется отъ пастыря Церкви при вразумленіи мірянъ, то тѣмъ болѣе оно требуется при вразумленіи клира Церкви. Бесѣды духовника духовенства должны быть облечены приличіемъ, требуемымъ положеніемъ его духовныхъ дѣтей, какъ членовъ клира. Онъ долженъ быть очень благоразуменъ въ пастырско-вразумительныхъ бесѣдахъ съ своими духовными дѣтьми, а особенно

1) См. № 30-й за 1898 годъ.

съ равными ему пастырями Церкви, избирать по возможности благовидные поводы для посѣщенія ихъ и бесѣдовать съ ними умѣючи, принимая во вниманіе особенности характера каждаго и выбирая для бесѣды удобную минуту. Онъ особенно долженъ помнить, что не только вещественное, но и духовное лѣкарство, если дается не во-время и не такъ, какъ слѣдуетъ, только растравляетъ рану и ухудшаетъ болѣзнь, а не врачуетъ. Своихъ духовныхъ дѣтей, а особенно пастырей Церкви духовникъ долженъ вразумлять такъ, какъ вразумлялъ первыхъ пастырей Церкви—апостоловъ Господь нашъ Иисусъ Христосъ и какъ вразумляли пастырей Церкви апостолы. Изъ призванныхъ къ апостольскому служенію двѣнадцати учениковъ Христовыхъ Иуда, какъ извѣстно, страдалъ недугомъ сребролюбія: *татъ бо бѣ*, говоритъ о немъ Слово Божіе, *и ковчежець имѣяше и вмѣтаемая ношаше* (Іоан. 12, 1, 6); сребролюбіе довело его потомъ и до предательства Господа. Какъ же вразумлялъ его Пастыреначальникъ нашъ?—Духомъ кротости. До самыхъ послѣднихъ дней Своей жизни Онъ не удалялъ его отъ Себя, допустилъ его до участія въ Тайной Вечери, на которой кротко вразумляетъ его словами: *ядущій со Мною хлѣбъ воздвиже на Мя заповѣданіе.... единъ отъ васъ предастъ Мя* (Іоан. 13, 18, 21); когда вмѣстѣ съ другими учениками подошелъ къ Нему Иуда и спросилъ: не я ли Господи? Господь отвѣтилъ: *ты реклъ еси* (Мѡ. 26, 25) и, наконецъ, сказалъ ему: *еже твориши, сотвори скоро* (Іоан. 13, 27), такъ что другіе апостолы не поняли, въ чемъ дѣло, думая, что рѣчь идетъ о покупкахъ по случаю приближавшагося праздника Пасхи. Когда же Иуда предавалъ Его, то Господь въ послѣдній разъ опять кротко сказалъ ему: *Иудо, лобзаніемъ ли Сына человѣческаго предаеши* (Лук. 22, 48)? Кроткое, дружелюбное вразумленіе—вотъ чѣмъ дѣйствовалъ Пастыреначальникъ нашъ на сребролюбіемъ недуговавшаго Своего ученика. Другой изъ призванныхъ къ апостольскому служенію учениковъ—ап. Петръ, не смотря на предупрежденіе Господа, трижды отрекся отъ Него и при томъ съ

клятвою. А какъ врачуетъ его Господь? По отреченіи Петра Господь, выйдя изъ дома Каиафы, только посмотрѣлъ на Петра. Какъ же подѣйствовалъ этотъ взоръ Господа? *И изшедъ вонъ, Петръ плакася горько* (Лук. 22, 61—62). Глубокое раскаяніе падшаго Петра искупило минутную его слабость. Милосердый Господь скорѣ утѣшилъ его явленіемъ ему отдѣльно по Своемъ воскресеніи; явившись же ему потомъ вмѣстѣ съ другими апостолами на берегу моря Тиверіадскаго, Онъ, послѣ троекратнаго вопроса: *Симоне Ионинъ, любиши ли Мя паче сихъ?* востановилъ его въ апостольскомъ достоинствѣ, сказавъ: *паци овцы моя* (Іоан. гл. 21). И такъ и здѣсь Пастыреначальникъ нашъ врачуетъ рану духомъ кротости. Такъ же дѣйствовали по отношенію къ пастырямъ Церкви и апостолы. *Бдите*, говорилъ, напр., ап. Павелъ къ пастырямъ Ефесскимъ, *поминающе, яко три мѣта ноць и день не престахъ уча со слезами единого коеждо васъ* (Дѣян. 20; 31).

Наблюденіе за нравственнымъ состояніемъ паствы ^{ука-}жетъ духовнику ^{особенномъ образомъ} предметы для его пастырскихъ бесѣдъ. Здѣсь ^{можно только сказать, что предметами этихъ бесѣдъ могутъ} ~~ука-~~ ^{быть какъ недостатки простого народа, такъ и личныя недуги духовенства.} Относительно членовъ клира, особенно псаломщиковъ, можно обратить вниманіе окружающихъ духовниковъ на сутяжничество и вляузничество, перадѣніе объ исправленіи своихъ обязанностей, пьянство, возмущеніе прихожанъ противъ настоятеля и т. п. Съ самими же пастырями Церкви бесѣды духовника ихъ главнымъ образомъ должны направляться противъ тѣхъ недуговъ, которые особенно нетерпимы въ нихъ. Къ такимъ недугамъ относится, во 1-хъ, *ненадлежащее приготовленіе пастыря къ божественной службѣ, а особ. литургіи.* Надлежащее приготовленіе къ божеств. службѣ, а особ. къ литургіи, трезвенность, духовная сосредоточенность души, уклоненіе передъ службою отъ всего грѣховнаго, мірскаго, житейскаго, наставленіе себя въ мирѣ съ Богомъ и ближними уготовляютъ пастыря въ до-

стойнаго совершителя таинъ Божіихъ. При достойномъ приступленіи пастыря къ божеств. службѣ, она, и особенно литургія, дѣлаетъ его достойнымъ сосудомъ благодати Божіей, поддерживаеъ въ немъ пастырскій духъ, възгрѣваеъ въ немъ даръ священства. При такомъ приготовленіи и совершеніи пастыремъ Церкви божественной службы, все грѣховное въ немъ ослабѣваеъ и само собою, какъ шелуха, отпадаетъ. Совершенство же богослуженія безъ надлежащаго приготовленія къ нему омѣрщаетъ пастыря, обращаетъ его въ простаго требоисправителя и наемника. Отъ такого пастыря благотворнаго вліянія на пасомыхъ ожидать трудно. Другой недугъ, требующій особеннаго вниманія духовника духовенства, — *вражда съ другими*, особенно съ низшими членами причта, происходящая иногда отъ неадекватнаго выдѣла со стороны священника доходо́въ или земли прочимъ членамъ причта и вообще пренебреженія ихъ интересовъ. Такое отношеніе пастыря къ низшимъ членамъ клира возбуждаеъ въ послѣднихъ *справедливое* неудовольствіе противъ священника, которое проявляется *вездѣ*

для себя это возможнымъ, даже въ храмѣ при совершеніи богослуженія. Можетъ ли быть среди такихъ служителей Церкви Богъ мира и любви и можетъ ли имѣть надлежащее значеніе ихъ служба? Третій недугъ, нетерпимый въ лицѣ, принадлежащемъ къ клиру, а особенно въ пастырѣ Церкви, и требующій особеннаго попеченія духовника духовенства, есть *пьянство*. Не дожидаясь исповѣди, духовникъ долженъ посѣщать страдающихъ этими недугами, особенно же пастырей Церкви, разъяснять вредъ пьянства для здоровья, показать, что оно разстраиваетъ хозяйство, ведетъ къ обнищанію, отражаетъ на здоровьѣ и благосостояніи семейства, унижаетъ чело́вѣка вообще, а пастыря Церкви въ особенности, лишаетъ его уваженія въ глазахъ прихожанъ, семейства и духовенства, приводитъ его къ опущеніямъ по отправленію своихъ обязанностей, къ болѣе или менѣе тяжелымъ проступкамъ, и наконецъ, влечетъ для него

запрещеніе священно-служенія и даже лишеніе сана. Четвертый недугъ, требующій особеннаго вниманія духовника духовенства и особенно нетерпимый между членами клира, и пастыря Церкви въ особенности, есть *нецѣломудренная жизнь*. Такая жизнь обыкновенно бываетъ слѣдствіемъ пьянства и неумѣреннаго употребленія вина. *Не упивайтесь виномъ*, говоритъ ап. Павелъ, *въ немъ же есть блудъ* (Ефес. 5, 18). Но этому недугу предаются и люди трезвые и въ другихъ отношеніяхъ безупречные. По отношенію къ первымъ духовнику духовенства нужно обращать вниманіе главнымъ образомъ на причину или корень болѣзни—пьянство или неумѣренное употребленіе вина. Запретивъ больному употребленіе вина (постепенно), духовникъ можетъ отвратить его потомъ и отъ нецѣломудренной жизни. Тамъ же, гдѣ нецѣломудренная жизнь ведется независимо отъ употребленія вина, духовнику, познакомившись съ образомъ жизни недугующаго, должно дѣйствовать сообразно обстоятельствамъ. Стремленіе къ нецѣломудренной жизни возбуждается не только неумѣренными употребленіями вина, но и обильнымъ употребленіемъ пищи. Замѣчено давно и всѣми, что, если плоть наша не допьеть и не доѣстъ, не будетъ имѣть полного удовлетворенія какъ пищею, такъ и питьемъ (даже воды), тогда достигается двоякое благо: здоровье, бодрость тѣлесная и господство духа надъ тѣломъ. Постъ—вообще прекрасное средство противъ стремленій къ нецѣломудренной жизни. Когда постомъ положена на тѣло узда, тогда выступаютъ благородныя стремленія духа, тогда духъ дѣлается болѣе воспримчивъ ко всему святому и божественному. А тогда и нецѣломудренныя стремленія или вовсе не появляются, или если и появляются, то въ слабой степени и съ ними справиться легко. Пятый недугъ, требующій особеннаго вниманія духовника духовенства, есть *корыстолюбіе*, которое обнаруживается въ вымогательствѣ запрашиваемой духовнымъ пастыремъ у прихожанъ неумѣренной платы за требы. Порокъ этотъ показываетъ въ пастырѣ сознательнаго наемника. Никакой рѣчи не можетъ

быть ни о пастырскомъ вліяніи такого пастыря на его паству, ни о добрыхъ между ними отношеніяхъ. Прихожане смотрятъ на такого пастыря, какъ на своего врага, и мстятъ ему, чѣмъ могутъ: портятъ хлѣбъ на полѣ, крадутъ скотъ его и т. п. Замѣтивъ этотъ порокъ въ пастырѣ Церкви, духовникъ духовенства долженъ немедленно приняться за врачеваніе его. Не дожидаясь исповѣди, онъ долженъ посѣщать страдающаго этимъ недугомъ собрата и наединѣ раскрыть ему глаза на его болѣзнь, показать ему несовмѣстимость этого порока съ званіемъ пастыря Церкви, возможность лишенія чрезъ этотъ порокъ всякаго значенія пастыря въ приходѣ, пріобрѣтенія имъ злѣйшихъ враговъ въ своей паствѣ и наконецъ, появленія и усиленія сектантства въ приходѣ.

Вмѣстѣ съ указаніемъ и обличеніемъ важнѣйшихъ недуговъ духовенства окружной духовникъ долженъ постоянно говорить о тяжелой отвѣтственности пастыря за спасеніе ввѣренныхъ его попеченію душъ. Хотя *дѣйствительность богослуженія и таинства*, совершаемаго: находящимся въ означенныхъ недугахъ и вообще въ смертномъ грѣхѣ пастыремъ Церкви, и не теряетъ своей силы, тѣмъ не менѣе *дѣйственность его можетъ*, вслѣдствіе грѣховности пастыря, *доходить до самой ничтожной степени*. Такъ, напр., для дѣйственности таинства покаянія требуется вѣра въ Бога, сокрушеніе во грѣхахъ и намѣреніе исправить свою жизнь. Вселить все это въ души пасомыхъ въ значительной степени зависитъ отъ пастыря Церкви. Но можетъ ли все это сдѣлать пастырь Церкви, самъ въ безднѣ грѣховнѣй валяйся? Слово его, какъ грѣшника, бездѣйственно и гнило; богослуженіе, совершаемое имъ, не благоговѣйно и не назидательно; образъ жизни его, недостойный не только пастыря Церкви, но и всякаго христианина, возбуждаетъ невольное сомнѣніе и недовѣріе къ дѣйственности его пастырскаго служенія. Какъ же онъ можетъ пробудить въ пасомыхъ вѣру, расположить ихъ къ сокрушенію во грѣхахъ и намѣренію исправить свою жизнь?...

При томъ же самъ такой пастырь Церкви, лишенный пастырскаго духа, предающійся злобѣ, пьянству и любостыжанію, способенъ совершать и совершаетъ страшныя преступленія. Онъ можетъ оставить безъ крещенія ~~родившагося младенца~~

умирающаго младенца, безъ исповѣди и причастія св. таинъ умирающую родительницу или иного кого либо неожиданно умирающаго. Духовникъ духовенства обязанъ разъяснить такому пастырю страшную опасность, какою онъ подвергается, предаваясь означеннымъ порокамъ, ибо отъ руки его будетъ взыскана Господомъ смерть всякаго грѣшника, который умретъ въ смертномъ грѣхѣ по его грѣховности (Иезек. 3, 18), тѣмъ болѣе что и самъ онъ можетъ быть застигнутъ смертію неожиданно, безъ очищенія совѣсти покаяніемъ.

Такимъ и подобнымъ образомъ духовникъ духовенства долженъ вразумлять недугующихъ чадъ своихъ, а особ. пастырей Церкви. Ничто однако такъ не содѣйствуетъ ослабленію грѣховныхъ недуговъ пастыря Церкви, какъ *достойное приотровленіе его къ божественной службѣ, а особенно къ литургіи, и самое совершеніе ихъ.* По „Учит. Извѣстію“, священникъ долженъ за нѣсколько дней до литургіи готовиться къ совершенію ея, воздерживаясь въ это время, а равно и въ самый день совершенія ея отъ вполнѣ законныхъ и дозволенныхъ удовольствій (ст. 2). А такъ какъ, достойно приотровившись къ совершенію литургіи, пастырь Церкви достойно приобщается Тѣла и Крови Господа, то что всего лучше его можетъ освятить и очистить, какъ не Самъ Господь, съ Которымъ онъ достойно соединяется въ таинствѣ Причащенія? Можетъ быть, не вдругъ, но все грѣховное, всякій порокъ, всякій недугъ духовный ослабѣетъ въ пастырѣ Церкви, исчезнетъ, какъ дымъ, растаетъ, какъ воскъ отъ лица огня. Ибо кое общеніе свѣту ко тьмѣ, Христу съ Веліаромъ? Совѣсть тогда пробудется у пастыря Церкви и потребуетъ возстановленія нарушенныхъ своихъ правъ; грѣхъ потеряетъ постепенно свою сладость и притягательную силу, а на мѣсто его постепенно явится сладость церковная, и

наемникъ обратится въ добраго пастыря. О семъ главнымъ образомъ и долженъ заботиться духовникъ духовенства, при врачеваніи духовныхъ недуговъ своихъ чадъ, а остальное все

Самое удобное время для пастырскаго врачеванія и врачеванія избраннаго поочередно окружнаго духовника духовенства—время исповѣди. Во время исповѣди душа христіанина бываетъ особенно настроена къ принятію духовнаго врачеванія. Душа его въ это время умягчается сознаниемъ своей грѣховности, смиряется въ послушаніе Христово, дѣлается особенно воспримчивою къ врачеванію духовника. Тутъ-то духовнику и нужно быть особенно внимательнымъ.

5. Когда же должны являться къ исповѣди духовныя чада окружнаго духовника духовенства? Священникъ и діаконъ должны исповѣдываться у своего духовника всякій разъ, когда имѣютъ на своей совѣсти смертный грѣхъ ¹⁾: „Аще же о грѣсѣ смертномъ, говорится въ Учит. Изв. (ст. 2), обличаетъ его (священника или діакона) совѣсть, да не дерзнетъ литургисати, дондеже очиститъ себе отъ грѣха того, въ немъ же обрѣтается, сокрушеніемъ и болѣзнію сердечною и исповѣданіемъ устнымъ предъ духовнымъ отцемъ и крѣпкимъ предложеніемъ, еже ктому не возвратится ко грѣху“. Они должны также всякій разъ исповѣдываться въ случаѣ смущенія или тѣлеснаго движенія отъ оскверненія, во снѣ происшедшаго, если оно было вызвано бесѣдами или скверными помыслами съ вечера, или яденіемъ и питіемъ, или продолжительнымъ сномъ, наконецъ, даже и въ томъ случаѣ, если и въ маломъ чемъ обличаетъ ихъ совѣсть (тамъ же). Вообще же духовенство должно исповѣдываться *не менѣе четырехъ разъ въ годъ*, не одни только штатные священно-и церковно-служители, но и ихъ жены и дѣти и заштатные,

1) Къ смертнымъ грѣхамъ относятся: гордость, сребролюбіе или лихоимство, нечистота или блудъ, чревоугодіе, зависть, гнѣвъ и лѣньность (Прав. Испов. П. Могилы).

и не только во Св. Четырдесятницу, но по возможности и во все прочие посты (Благочин. Инстр. § 9). Самъ окружной духовникъ долженъ исповѣдываться у священника другого округа, ибо было бы не сообразно съ понятіемъ духовнаго отца—исповѣдываться ему у своего духовнаго сына, хотя бы и священника 1).

6. *Какъ духовникъ духовенства долженъ готовить къ исповѣди своихъ духовныхъ чадъ и себя? Приготовление къ исповѣди духовныхъ чадъ должно состоять въ напосинаніи имъ долга 1) познать по возможности и привести на память все свои грѣхи, содѣланные словомъ, дѣломъ, помышленіемъ, а особ.—совершенные сознательно и свободно, за которые совѣсть угрызала и угрызаетъ, 2) раскаться въ нихъ и болѣзновать душою, что прогнѣвали Господа своего и возбудили противъ себя праведный гнѣвъ Его, 3) открыть предъ духовникомъ на исповѣди все свои грѣхи, безъ утайки, смягченія вины, самоизвиненія или сложенія вины на другого, 4) возложить на Иисуса распятаго все упованіе объ оставленіи грѣховъ, 5) твердо рѣшиться не возвращаться къ грѣху, но, возненавидѣвъ грѣхъ, начать новую жизнь по заповѣдямъ Божиимъ, наконецъ 6), примириться со всеми, съ кѣмъ была какая вражда, удовлетворить обиженныхъ и простить обидѣвшихъ (Кн. о должн. пресв. прих. § 91—97).*

Приготавливая къ исповѣди своихъ духовныхъ чадъ, *духовникъ духовенства и самъ долженъ готовить къ принятію говнующихъ на исповѣдь. Онъ долженъ возбудить въ себѣ самомъ сокрушеніе сердца о своихъ и людскихъ грѣхахъ, быть чуждымъ гордости, высокомерія и надменности, гнѣва и суровости, хранить воздержаніе и вообще быть добродѣтельнымъ, молясь на всякій часъ Богу, да подастъ ему Господь слово разума для исправленія обращающихся къ*

1) Митропол. Фотій писалъ Псковскому духовенству въ 1419 г.: „а попу, держа попа въ покаяніи у себе, самому у него не подобаетъ каятися“.

нему (Права и обяз. пресв. П. Забѣлина, стр. 189, ч. 1). Нужно чтобы они въ духовникѣ видѣли *друга, отца*, предъ которымъ со всѣмъ довѣріемъ сердца могли бы выплакать свою скорбь о содѣянныхъ ими грѣхахъ: „такъ имѣй грѣхи, говорится въ Москов. Требникѣ (1847 г. л. 292), яже повѣдаютъ тебѣ, якоже бы были твои, и тако имѣй попеченіе, да отвѣщаеши Богу“.

(Окончаніе будетъ).

З а м ѣ т к а.

Обычай приносить въ церковь для освященія винограда и плоды въ праздникъ Преображенія Господня. Въ Православной Церкви существуетъ обычай, значеніе котораго не всѣми ясно сознается; разумѣемъ обычай освящать виноградъ и плоды въ праздникъ Преображенія Господня. Виноградъ и плоды приносятся въ храмъ для освященія изъ благодарности къ Богу; все, что Господомъ создано, что употребляется нами въ пищу, зависитъ отъ Его воли. Человѣкъ сѣетъ, насаждаетъ, обрабатываетъ, но еще не увѣренъ, что насажденіями своими воспользуется. Ихъ можетъ побить градъ, погубить засуха, повредить излишество дождей. „Насаждающій есть ничто, а все возвращающій Богъ“ (1 Кор. 3, 7). Когда же произведенія земли, для пищи потребныя, начинаютъ созрѣвать и приходятъ въ руки трудившагося дѣлателя, то первое его чувство есть сознаніе явленной ему милости Божіей; созрѣвшіе начатки несетъ человѣкъ въ церковь, „во благодареніе Подателю плодовъ“, како заповѣдано 28 прав. 6 всел. собора. Впрочемъ, приношеніе винограда имѣетъ еще свое особое значеніе. Въ словахъ Кормчей сказано: „грози въ церковь паче всякаго инаго оwoцiа изряднѣе приносятся; понеже отъ того бываетъ вино, на совершеніе безкровной жертвы пріемлемо“.

Издревле установлено, чтобы приносимые въ храмъ начатки плодовъ земныхъ здѣсь были освящаемы. Что не благословляется Церковію, то не полезно и для души, и для тѣла. Напримѣръ, преждевременное или неумѣренное яденіе плодовъ, будучи вреднымъ для здоровья, не дозволяется и церковнымъ уставомъ. Освящаются же въ церковь приносимые плоды Словомъ Божиимъ и молитвою (1 Тим. 4, 5); на нихъ призывается спасительное имя Божіе, а въ молитвѣ, надъ ними произносимой, мы просимъ, чтобы вкушеніе ихъ было во здравіе и въ безгрѣшное удовольствіе вкушающимъ.

А почему плоды приносятся именно въ праздникъ Преображенія, объясняется тѣмъ, что къ этому времени по нашимъ мѣстамъ одни изъ нихъ приходятъ въ совершенную зрѣлость, другія начинаютъ созрѣвать. Можно указать и духовное основаніе для сего обычая. Плоды, когда еще растутъ, бывають мелки, зелены и некрасивы; затѣмъ, при содѣйствіи солнечнаго свѣта, теплоты и влаги, приходятъ въ зрѣлый видъ, принимаютъ полноту и красоту, совсѣмъ преобразуютъ я. Такъ земная жизнь для человѣка тоже, что время для созрѣванія плодовъ: здѣсь, на землѣ, человѣкъ долженъ воспитать себя, для своего будущаго преображенія. Самъ по себѣ человѣкъ нечистъ и грѣховенъ, а потому не благообразенъ; но если пользуется свѣтомъ Слова Божія, согрѣвается теплотою умилительныхъ священнодѣйствій, орошается и освящается таинствами, онъ духовно созрѣваетъ, и, какъ *пшеница зрѣлая, во время пожатая* (Іов. 5, 26), прие­млется въ житницу небесную. Подобаеть намъ, христіанамъ, пользоваться дарованными средствами благодатными, и Спаситель нашъ Господь, преобразившійся на горѣ, преобразить уничиженное тѣло наше такъ, что оно будетъ *сообразно славному тѣлу Его* (Фил. 3, 21). (Вятск. Еп. Вѣд. 1896. № 16).

Редакторъ, Ректоръ Кіев. Дух. Сем., Архимандритъ Іоанниій.

Отъ Кіев. Ком. дух. ценз. печатать дозволяется. Кіевъ, 3 іюля 1898 г.

Цензоръ, э.-орд. проф. Акад., прот. *І. Корольковъ.*

Тип. Петра Барскаго, Крещатикъ, собств. домъ № 40.